

...ЗАБЫВ, ЧТО СМЕРТЕН

2. ВОСПОМИНАНИЕ О ДРУГЕ

А СЕЙЧАС он шел в Краков. Из лагеря для военнопленных Вишниц. Лежа здесь, во ржи, Николай переживал еще встречу на шоссе с немецким офицером. Сейчас, когда фашисты терпели неудачи на всех фронтах, путь его был особенно опасен. Фашисты уже не бросали в застенки тех, кто попадал им в лапы. Расстреливали на месте. А путь ему предстоит не близкий: Краков—Варшава — линия фронта.

Как ему не хватало Юрия! Как он тосковал о друге, с которым его связывали не просто узы товарищества, а нечто большее.

Зародилась их дружба среди ужаса, голода, ежедневных смертей — в лагере для военнопленных Бяла-Подляска. Здесь были созданы все условия для медленной, верной гибели от болезней, истощения, безысходности. Дружба с Юрием Лысовым была единственной отрадой. Юра и Николай поверяли самое сокровенное, мечтали о свободе, подбадривали друг друга. Юрий рассказал, что он не успел закончить Самаркандский университет — ушел на фронт. Был замполитом. Раненый попал в плен. И в плену он, как и Николай, может думать только о победе...

Их вывозили на работу, иногда работой было захоронение в мерзлой земле погибших товарищей по неволе.

Однажды в декабре недалеко от колонны военнопленных появился пожилой поляк. Не глядя ни на кого, он тихо спросил по-русски: «Как делишки?» Кто-то ему ответил: «Сам видишь, плохие». «Зато под Москвой хорошо», — так же тихо промолвил поляк, и рассказал о разгроме фашистов под советской столицей.

Потом торопливым шепотом добавил:

— Если вдруг окажется на свободе, вон в тех домиках с дымом из труб найдете приют.

И он показал на стоявшие на отшибе дома.

Так Белоусов и Лысов познакомились и наладили связь с Юзефом Хаецким, дорожным мастером, который не в первый раз помогал советским военнопленным и словом, и делом. И не только он, но и его две дочери — пятнадцатилетняя и шестнадцатилетняя.

Юра, горячий, темпераментный человек, не раз отваживался на самые опасные действия. Николаю, более рассудительному, не раз приходилось сдерживать его, чтобы использовать для побега момент, который бы гарантировал успех. А гарантий было мало — колючая проволока, усиленная охрана... Белоусову было тяжело до боли, до отчаяния. Только желание осмысленного мщения, результативной борьбы удерживало их от какого-нибудь безрассудного шага.

К весне 1942 года военнопленных перевели в лагерь под Краковом Кобежин.

Этот перевод ничего не изменил в их жизни — та же похлебка из брюквы, то же унижение. Только реже стали видеть небо и солнце. В средневековом подземелье было сыро, душно, смрадливо. Кованые двери и железные оконные решетки угнетали, давили на плечи тяжелые своды.

И вот в апрельский весенний вечер группу, в которой был Николай, привезли в лагерь с работы. Юрий в этот день не выезжал. Он встретил друга у двери быстрыми, горячими словами: «Сейчас или никогда». Он мгновенно оценил ситуацию.

Наверху охрана шумела, гогогала, встретившись с солдатами, сопровождавшими рабочие группы. Немцы, казалось, совсем забыли о пленных. И друзья решились...

Быстро поползли по траншее. Как хотелось перемахнуть через насыпь и бежать, бежать, что есть сил! В эти минуты было все: жажда свободы и скованность обстоятельствами, безрассудство и терпение, находчивость и интуиция, смелость и выдержка.

Мозг работал напряженно и четко. Вот Юра бросил шинель — Николай сделал предупреждающий жест — и тот подобрал ее. Ведь шинель бы указала направление. Наконец, колючая проволока, 1-й ряд, 3-й... Здесь еще труднее было медлить, но по бегущим фигурам обязательно бы стали стрелять.

Только в лесу, в темноте, они, наконец, «рванули» что было сил.

Николай Белоусов никогда не забудет воздуха свободы. Он был похож на воздух его детства.

После первого наслаждения волей и возможностью видеть перед собой только лицо любимого друга, а не отвратительные физиономии охранников, они начали думать о дальнейших действиях.

Белоусов и Лысов решили воспользоваться предложением Хаецкого. Но ведь и до него нужно было добраться! Дошли до Вислы, поляк-башкир дал им старую одежду, башмаки и перевез через реку. И вот товарищи у Юзефа. Они ожили среди друзей. Сосед Юзефа часто наведывался к ним в подвал, расспрашивал о Советском Союзе, просил петь «Интернационал» и подпевал, с акцентом выговаривая русские слова.

После нескольких дней друзья обрели силы и двинулись дальше на восток, к Бресту.

Встречи на дорогах, риск днем и ночью, опасность наткнуться на предательство... Они вынуждены были у встречаемых поляков спрашивать дорогу, подкармливали их тоже поляки. Николай и Юрий были друг для друга надеждой, опорой, частичкой Родины.

Через несколько лет Юрий писал своей матери: «Бежал я вместе с Николаем Белоусовым. Запомни это имя, запомни и поостарайся полюбить заочно этого красавца парня из Сталинграда, я тебе когда-нибудь много о нем расскажу. Пока знай, что в течение тяжелых лет он заменял мне, как и я ему, — мать, отца, брата, сестру, а главное — Родину». Письмо очень точно передает всю глубину их взаимоотношений.

Голодные и измученные, лежали они однажды в овраге на окраине хутора. Неподалеку показался человек, по виду крестьянин. Внешность его внушила доверие. Подозвали его, объяснили, кто они. Юра, уже сносно говоривший по-польски, просил принести поесть Крестьянин, пообещав, ушел на хутор. На всякий случай друзья переменили место наблюдения и увидели, что крестьянин возвращается, но не один. Притаились. Вдруг спутник нашего знакомого, пожилой, худощавый человек, позвал их по-русски, сказал, что он тоже русский, и жаждет оказать помощь соотечественникам. Взволнованный тон говорившего убедил юношей в искренности его предложения.

Назвался доктором Сержем. Далее выяснилось, что он эмигрировал из России в семнадцатом году. Серж был участлив и галантен. Он пристально всматривался в худые, почти мальчишеские лица, точно пытаясь разгадать, как настроены его соотечественники. Он осторожно вздыхал и возвы-

шенно сожалел о судьбе России. Договорился до того, что начал упрекать всех и вся в том, что в свое время «не послушались Клемансо» с его теорией о Соединенных Штатах Европы.

Конфликт возник мгновенно. Столкнулись два мировоззрения: ветхозаветная философия эмигранта, давно утратившего всякую связь с Родиной, и убеждения новых людей Советской России. Ах, как был грозен Юрий Лысов. Он с полным знанием вопроса наголову разбил так называемую теорию Клемансо, и старым эмигрант, все годы живший на чужбине сознанием собственной правоты, вынужден был признать, что логика на стороне молодых людей. Он был поражен эрудицией Юрия и силой убеждения обоих.

— Мы ползем, бежим, прячемся, но мы знаем, ради чего мы это делаем, знаем, куда мы идем. к Родине! А вы, доктор Серж, к чему пришли? — вопрошал Юрий.

При взгляде на двух людей — приличного господина и оборванного молодого человека, любому стало бы ясно, кто из них больше Человек. Так прекрасен был замполит и так жалок и подавлен эмигрант.

Товарищи уходили на восток, а скорбленный седой человек остался в овраге с нетронутым свертком еды.

Друзья миновали Варшаву.

По дороге на Белосток они были схвачены полевой жандармерией.

Почему люди не умирают от отчаяния?

В Варшавской тюрьме их разлучили — это было ударом.

Странно: плен, ничтожные шансы выжить, взять в руки оружие, попасть на Родину — все это само по себе невыносимо тяжело. Кажется, уже нет места другим эмоциям. И тем не менее именно в таком состоянии Николай пережил момент высокого счастья.

При эвакуации из Варшавской тюрьмы в лагерь всех узников согнали в одну комнату. Выпускали на улицу парами, скрывая узников одними наручниками. Впрочем, не этими словами нужно рассказывать — «парами», «выпускали»... На самом деле в комнате творилось нечто ужасное: давка, стоны, нечеловеческие крики. Плотная масса колыхалась, полузадушенные люди чуть не падали в обморок, но их двигало к двери вместе с толпой. И вдруг Юрий и Николай увидели друг друга. Рванулись навстречу, но протиснуться сквозь толпу было невозможно. Ах, как близко они были друг от друга и как далеко! Общими овладело неистовое желание — соединиться с другом.

Товарищей «выжало» к двери почти одновременно. Они выбросили друг к другу руки и, о счастье, их сковали вместе! Видно, само небо помогало им.

Даже не сразу вспомнили потом, что на выходе стояли два здоровенных немца в черных кожаных перчатках и «встречали» каждую пару узников ударами по глазам.

Друзья снова шагали рядом, не замечая ударов и окриков. Они шли, одержимые стремлением снова бежать, пробиваться к своим, бороться. Еще некоторое время они были вместе в лагере Вишниц под Краковом. Но потом их снова разлучили.

Летом Николаю представилась возможность бежать.

Т. ПУЗАНОВА.